

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/QR.2017.3.240

REVOLUTIONARY 1917: REFLECTIONS A HUNDRED YEARS LATER

Quaestio Rossica honours anniversaries that give us reason to rethink and revisit the events, people and ideas of the past. This is more than true for the centennial of the 1917 Russian Revolution: this date, more than logically, is the central theme of this issue of *Quaestio Rossica*, its *Problema voluminis*. The section is called: *The Russian Revolution, 1917–2017: The View From a Distance*.

“View from a distance” does not necessarily mean “Sine ira et studio” (“Without anger and bias”). Cornelius Tacitus, who coined this historic principle, viewed the history of the first Caesars, exciting and at the same time frightening, as relevant for his contemporaries; they were separated from the events he was describing by approximately as many years as separate us today from the 1917 Revolution. “From a distance” rather means an opportunity to look at the sequence of the revolutionary events in a new way, rejecting the meanings of old slogans that have since lost their power.

The distance gives us the opportunity to escape the domination of a unified approach to the study of the Revolution. Are we studying the underlying social and economic causes of the Revolution as a huge tectonic shift? Are we talking about the drama of choosing between “slavery” and “freedom” and how freedom can rapidly and horribly turn into its own antithesis? Are we seeking an understanding of events through the practices and experiences of ordinary people trapped in their whirlpool?

In preparing this section, the editors encountered an interesting development in the historiography: the history of the Revolution is not limited to the time frame of the revolutionary events of the 1917, nor of the next few years. There is no wall that separates the “revolutionary era” from the subsequent years, and it would be a mistake to erect such a wall and downplay the decisive impact that the experience of the Russian Revolution and the Russian Civil War had on all layers of the Russian society. “...Great revolutions are born out of the controversy between the old, even between the development of the old, and the utmost abstract aspiration towards the new, which should already be so new that not a single grain of antiquity should have been left in it,” wrote V. I. Lenin in 1923. “And the more ferocious such revolution, the longer the time for those controversies to abide.” Indeed, what cannot be denied the October Revolution is its “ferocious” nature.

This in turn means that the exceptional significance of the Revolution is not constituted by the mere fact of the 1917 cataclysm which destroyed a powerful monarchy overnight, but rather the utter novelty and uniqueness of the new social and political order which arose from its ruins. Thus, almost all the articles in the *Problema voluminis* section talk about the October coup and its aftermath rather than the February Revolution. One could even say that the main concern of the majority of the articles is not so much the problem of the disaster that ruined the empire (although some articles are mainly devoted to this issue), but analysis of the new post-revolutionary process of construction that was unfolding with unexpected speed in front of the world's unbelieving eyes.

Academician *Veniamin Alekseyev* and Senior Research Fellows *Konstantin Zubkov* and *Igor Poberezhnikov*, historians from the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS, put both revolutions of 1917 in global historical perspective as part of the modernization process. The authors argue that the "slow progress on the path of industrialization, which the Russian Empire had been demonstrating for decades, required a longer peaceful period of development to achieve the necessary degree of economic maturity; this peaceful period abruptly came to an end when the country entered the First World War."

The article by Dr *Sergey Nefedov* (Institute of History and Archaeology of the UB of RAS) proceeds to verify the same thesis, analyzing the mechanics of an acute grain deficit in the capital during the autumn of 1916 – winter 1917. According to the author, the hunger riot in Petrograd, which became an "incendiary" of the February Revolution, was provoked by the monstrous monetary inflation caused by the unsustainable financial burden of the world war. The whirling flywheel of inflation smashed the desperate attempts of A. A. Rittich, then the Minister of Agriculture, to establish the supply of bread for the largest cities of the empire. This problem outlasted the fall of the monarchy in February and continued to enthrall the country during its cataclysmic revolution.

Dr *George Gilbert* (University of Southampton, United Kingdom) considers the main opponent of the revolutionary forces in Russia at the beginning of the 20th century – the radical right movement – from an unusual perspective: the participation of women. Records show that, in contrast with the majority of right-wing political organizations, busy with agitation and street violence, women's clubs were more engaged in social work, demonstrating an enviable openness. Dr *Piotr Bednarz* (University of Maria Skłodowska-Curie, Lublin) studies the response to the revolutionary events in the Swiss press. Switzerland, neutral and distant from the social cataclysms in the East, did its best to understand what was happening. However, from the Alpine meadows the events in Russia looked completely incomprehensible: Swiss journalists could not even distinguish between the February and October coups. Professor *Korine Amacher* (Université de Genève) documents the meeting of one of the Bolshevik leaders, L. B. Kamenev, and the leader of the anarchists N. I. Makhno, based on the memoir of a participant.

The distance of a century makes it yet more obvious that the history of the Russian Revolution cannot be limited to the events of 1917–1922; thus, several articles in this section make a wider step from the history of the Revolution to the history of the state that it created. Associate Professor *Marina Salamatova* (Novosibirsk State University of Economics and Management) explores the Soviet system of censored access to elections, coming to a conclusion about the unique way it was used to put social and economic pressure on non-proletarian classes. Professor *Oleg Gorbachev* (Ural Federal University) examines the problem of territorial expansion in Bolshevik mythology. The article studies macro-level economic zoning as well as the organizational principles of individual cities (the “Garden City”) and separate houses (the “Commune House”). The author convincingly shows how the Bolshevik elite gradually departed from radical utopian projects for the reorganization of the space to “practical engineering” (the GOELRO Plan).

The article by *James Harris* (PhD, University of Leeds) tells the story of the difficult path taken by the post-revolutionary Bolshevik Party. Placing the Soviet political system in the European context, the author shows the transformation of the Bolshevik Party from a small group of professional revolutionaries into the majority party of power. This sort of transformation was, according to Harris, a mere variation on the overall trend of mass involvement in politics that overtook Europe in the early 20th century. In the famous play *The Bathhouse* by V. Mayakovsky, the Bolshevik bureaucrat Pobedonosikov (one of those representatives of the “party of power” which Harris’ article describes) looks at the Communist future after “ten five-year plans” and woefully wonders: “What did you mean by that... – that I am not needed by communism?!” Alas, it was not Pobedonosikov that was “not needed by communism”, but the author himself: Mayakovsky committed suicide in the third year of the first Five-Year Plan.

How does a utopia turn into its opposite? This issue is covered by the article of a well-known Russianist, *Giovanni Maniscalco Basile* (University of Rome III). The author draws a parallel between the different protagonists of utopian texts: A. A. Bogdanov’s *Red Star* and V. Mayakovsky’s *The Bedbug* and *The Bathhouse*. Bogdanov’s hero, the revolutionary Leonid, goes crazy, having found himself in a Communist society on Mars. The Commie Martians exist without emotions and feelings; Mayakovsky thrusts the same misfortune upon the bureaucrats and petits bourgeois who miraculously travel to the ideal Communist future. The chronological model of utopia inevitably turns into dystopia, or so Basile concludes.

The *Origines* section publishes a unique document from World War I and the Russian Revolution, the memoir of the German officer Wilhelm Wölfing, edited and commented on by Dr *Nikolay Baranov* (Ural Federal University). In 1955, at the age of 72, Wölfing, scarcely a historical hero, composed a memoir of his stay in Russia, which began with his captivity as an officer of the Kaiser’s army on the Eastern front in 1915. He describes

his captivity almost idyllically, a dramatic contrast with a description made in 1918 when he arrived in Russia as an officer of the German "Military Department of the Ministry of Internal Affairs". Bolshevik Moscow seemed much more frightening than a POW camp to Welfing. In 1919, he wrote an unambiguous diagnosis: this regime would not be able to continue for long, and even a small offensive by the German forces would crush Bolshevism once and for all. Not without pride, the author of the memoir notes that his analysis of the situation in Russia, if properly appreciated by the Kaiser's army command, could change the course of history. His fate changed with the fall of the monarchy in Germany, when the German diplomatic mission had to leave Moscow. Concluding the memoir, Welfing writes: "It is still worthy of admiration that the young Bolshevik State could protect themselves against all these attacks following the demobilization of the 1819".

The *Disputatio* section is represented by a variety of topics. In an article studying the *Explanatory Palaea*, an outstanding artifact of medieval Russian literature, Professor *Irina Dergacheva* (Moscow State University of Psychology and Education) shows how medieval theologians approached the problem of the origin of evil and how they interpreted it in connection with the divine. This theme has repeatedly surfaced throughout human history; the author cites multiple pieces of evidence from early medieval sources that demonstrate the evolution of that epoch's philosophical thought. One can see the pathos of upholding the truth and the pain at humanity's loss that run throughout the *Palaea's* text and their relevance for historical conflicts close to us.

Professor *Tamara Matveeva* (Ural Federal University) puts into linguistic perspective the 'energy' of the expressed or written word. Matveeva offers her own method for measuring the 'energy' of text, providing a sound argument for the possibility of its practical application. The article's theoretical depth can be found in the explanation of a volatile notion and the examination of the extent and vector of the text's impact on the reader: this is conducted through an analysis of grammar structure. Along with the skilled analysis and the links to the general theory of communication, this article is comprehensively researched.

An article by Professor *Valery Maroshi* (Novosibirsk Pedagogical University), in addition to academic integrity, offers an intriguing interpretation of a certain type of travelogue through the prism of the idea of paradise. The work is written with extensive involvement of the literary context and historical parallels; it ignites interest in a time when opportunists and visionaries had the opportunity to attain the most magnificent goals.

In the *Heritage: nomina et scholae* section, Associate Professor *Tamara Kondratyeva* (Tyumen University) talks about her teacher, the outstanding specialist in the history of France (indeed, not just France!) Boris Porshnev. His life as a historian was full of unexpected turns, but his remarkable scientific talent did not allow contingencies to alter the logic of fate. The author creates a lively and controversial portrait of this hero of his time. The vital power of Porshnev evidently leaked into his research:

its “Renaissance” magnitude and hefty source base allowed Russian-French studies to open new facets in the history of France for international scholarship.

The Editorial Board offers selected reviews on topics related to turning points in Russian history in the *Controversiae et recensiones* section of this issue. A thorough review of the three-volume monograph by B. N. Mironov is provided by Professor *Yuri Smirnov* (Samara National Research University). The author fits his in-depth analysis of the monograph’s ideas into the international as well as Russian scientific contexts, including theories put forward in detail by the Ural historical school. *Yulia But* (PhD, Ural Federal University) reviews an interesting book by A. Miller, *Natsiia, ili Mogushchestvo mifa* [Nation or the Power of Myth] (St Petersburg, 2016), published in the series “Azbuka poniatii” by the European University of St Petersburg. The young researcher skillfully points out the positive and controversial moments of the book, reasonably engaging in discussion on a number of the author’s provisions.

The section is concluded by *Vladimir Zemtsov’s* (Ural State Pedagogical University) review of a collection of articles based on papers presented at the international conference “Russia and the Napoleonic Wars”. The review provides a detailed analysis of the selected materials, describes the status of the study of the Napoleonic Wars in modern historical scholarship, and outlines the prospectives of future study.

Konstantin Bugrov
(*Institute of History and Archaeology*
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences),
Larisa Soboleva
(*Ural Federal University*)
Translation by Anna Dergacheva

В нашем журнале мы чтим юбилеи, если они дают повод задуматься и посмотреть на события, людей и лозунги прошлого по-новому. Вдвойне это актуально для столетнего юбилея революции 1917 г. А потому и центральный блок, рубрика *Problema voluminis* этого номера *Quaestio Rossica*, называется *Революция, 1917–2017: как это видится на расстоянии*.

«На расстоянии» – не значит «без гнева и пристрастия». Ведь и для отчеканившего эту фразу Корнелия Тацита захватывающая и устрашающая одновременно история первых цезарей остава-

лась актуальной – а отделяло его от описываемых событий примерно столько же лет, сколько отделяет нас сегодня от революции. «На расстоянии» означает возможность взглянуть по-новому, отвергая заранее заданные утратившими смысл лозунгами коннотации. Расстояние дает нам возможность избежать доминирования одного подхода к изучению революции. Изучаем ли мы глубинные социально-экономические причины ее как огромного тектонического сдвига? Говорим ли мы о драме выбора между «рабством» и «свободой» и о том, как свобода может оборачиваться собственной противоположностью? Ищем ли понимания события через практики обычных людей, захваченных их водоворотом?

При подготовке этого раздела выявился и стал до некоторой степени неожиданностью тот факт, что история революции не ограничивается хронологическими рамками собственно революционных событий 1917 г., да даже и нескольких последующих лет. Нет стены, которая бы отделяла революционную эпоху от последующих лет, и воздвигать ее – значило бы преуменьшить то определяющее влияние, которое опыт революции и Гражданской войны имел на все слои российского социума. «...Великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого и абстрактнейшим стремлением к новому, которое должно уже быть так ново, чтобы ни одного грана старины в нем не было, – утверждал в 1923 г. В. И. Ленин. – И чем круче эта революция, тем дольше будет длиться то время, когда целый ряд таких противоречий будет держаться». Действительно, в чем нельзя отказать Октябрьской революции, так это в ее «крутом» характере.

А это, в свою очередь, означает: ошеломляющая значимость события кроется все же не в самом факте катаклизма-1917, в одночасье уничтожившего могущественную монархию, а в своеобразии и уникальности того социально-политического строя, который поднялся из ее руин. Практически все статьи рубрики говорят именно об Октябре, а не о Феврале. Можно даже сказать, что лейтмотивом для большинства статей является не столько проблема катастрофы, уничтожившей империю (хотя часть статей посвящена и этому вопросу), сколько анализ нового строительного процесса, развернувшегося с неожиданной для того времени быстротой.

Революции 1917 г. в глобальной исторической перспективе, как часть модернизационного процесса рассматривают специалисты Института истории и археологии УрО РАН академик *Вениамин Алексеев*, ведущие научные сотрудники *Константин Зубков* и *Игорь Побережников*. Авторы утверждают, что замедленное движение по пути индустриального прогресса, которое Российская империя демонстрировала долгие годы, требовало для достижения ею необходимой степени экономической зрелости длительной полосы плавного мирного развития, чего страна лишилась со вступлением в Первую мировую войну. Своеобразной верификацией этого тезиса пред-

стает статья доктора исторических наук *Сергея Нефедова* (Институт истории и археологии УрО РАН), анализирующего механику возникновения острого хлебного дефицита в столице осенью 1916 – зимой 1917 г. По мнению автора, голодный бунт в Петрограде, ставший «запалом» Февраля, был спровоцирован чудовищной денежной эмиссией, вызванной непосильным финансовым бременем мировой войны. О раскручивавшийся маховик инфляции и разбились отчаянные попытки министра земледелия А. А. Риттиха наладить снабжение крупнейших городов империи хлебом; проблема эта пережила февральское падение монархии и продолжила увлекать страну в пучину революционного катаклизма.

Доктор *Джордж Гилберт* (Университет Саутгемптона, Великобритания) рассматривает основного оппонента революционных сил в России начала века – радикальное правое движение – в необычном ракурсе – через участие в этом движении женщин. Архивные материалы показывают, что в контрасте с деятельностью политических организаций правых, связанных с агитацией и уличными побоищами, женские объединения больше занимались социальной работой, демонстрируя завидную открытость. *Петр Беднарж* (Университет имени Марии Склодовской-Кюри, Люблин) рассматривает отклик на революционные события в прессе нейтральной и далекой от социальных катаклизмов Швейцарии. С альпийских лугов события в России выглядели совершенно непонятными: швейцарские газетчики не смогли даже отличить Февраль от Октября! На основании воспоминаний участника событий описана встреча одного из большевистских лидеров Л. Б. Каменева с вождем анархистов Н. И. Махно (1919 г.) в статье профессора *Корин Амашер* (Женевский университет).

История революции не ограничивается событиями 1917–1922 гг., и ряд статей переходит от истории революции к истории государства, ею созданного. Доцент *Марина Саламатова* (Новосибирский государственный университет экономики и управления) исследует советскую ценовую систему допуска к выборам, приходя к выводу об уникальном характере этой системы, использовавшейся для социально-экономического давления на непролетарские слои населения. А профессор *Олег Горбачев* (Уральский федеральный университет) рассматривает проблему территориального освоения в большевистской мифологии. Автор задействует как макроуровень территориальной организации – экономическое районирование, так и принципы организации отдельных городов («город-сад») или даже домов («дом-коммуна»). Автор убедительно показывает, как от радикально-утопических проектов реорганизации пространства большевистская элита постепенно перешла к «практической инженерии» (план ГОЭЛРО).

О сложном пути, проделанном большевистской партией после революции, повествует статья *Джеймса Харриса* (PHD, Университет Лидса, Великобритания). Рассматривая советскую политическую систему в европейском контексте, автор показывает трансформацию

партии большевиков из узкой группы профессиональных революционеров в массовую партию власти, что было, по мнению Харриса, лишь специфическим вариантом тенденции обращения масс к политике, захлестнувшей Европу в начале XX в. В знаменитой пьесе В. Маяковского «Баня» бюрократ-большевик Победоносиков (один из тех представителей партии власти, о которых говорит статья Харриса), глядя на коммунистическое будущее после «десяти пятилеток», горестно вопрошает: «Что вы этим хотели сказать, – что я и вы не нужны для коммунизма?!» Увы, для коммунизма оказался не нужен вовсе не Победоносиков, а сам автор пьесы, покончивший с собой на третьем году первой пятилетки...

Как утопия оборачивается своей противоположностью? Этому вопросу посвящена статья известного русиста Джованни Манискалко *Базиле* (Университет Рим-3). Автор проводит параллель между разными протагонистами утопических текстов А. А. Богданова («Красная звезда») и В. В. Маяковского («Клоп» и «Баня»). У Богданова революционер Леонид сходит с ума, оказавшись в коммунистическом обществе Марса, существующем без эмоций и чувств; у Маяковского это же несчастье постигает бюрократов и мещан, чудом очутившихся в коммунистическом будущем. Хронологическая модель утопии, опирающейся на план, с неизбежностью оборачивается антиутопией – именно к такому выводу приходит *Базиле*.

В разделе «Источники» печатается уникальный документ о России эпохи мировой войны и революции – воспоминания немецкого офицера Вильгельма Вельфинга, подготовленные и прокомментированные доктором исторических наук *Николаем Барановым* (Уральский федеральный университет). Вельфинг – отнюдь не исторический герой, но в 1955 г. он, будучи уже 72-летним, изложил воспоминания о пребывании в России, которое началось с плена офицера кайзеровской армии на Восточном фронте в 1915 г. Плен он описывает едва ли не идиллически, что резко контрастирует с описанием состояния России в 1918 г., когда он прибыл сюда в качестве сотрудника военного отдела МИД Германии. Большевицкая Москва показалась Вельфингу куда более пугающей, чем лагерь для пленных, и в 1919 г. он поставил однозначный диагноз: такой режим не сможет продержаться долго, и даже небольшое новое наступление немецких войск сокрушит большевизм окончательно! Не без гордости автор мемуаров пишет, что его анализ положения в России, будь он оценен кайзеровским командованием по достоинству, мог бы изменить ход истории... Его судьбу изменило падение монархии в Германии, и немецкой дипломатической миссии пришлось покинуть Москву. Завершая воспоминания, Вельфинг записывает: «Все же достойно удивления, что молодое большевицкое государство смогло защитить себя от всех этих атак после произошедшей в 1918 г. демобилизации».

Рубрика *Disputatio* представлена разнообразными темами. В статье, посвященной выдающемуся памятнику древнерусской

литературы *Палея Толковая*, профессор *Ирина Дергачева* (Московский психолого-педагогический университет) раскрывает постижение средневековыми богословами проблемы происхождения зла и его понимания в связи с Божественной сущностью. К актуализации этой темы человечество обращалось неоднократно, автор приводит многочисленные данные из ранних источников, объясняющие развитие мысли философов Средневековья. Преодолевая терминологические различия, можно сблизить пафос отстаивания истины и боль за гибель человечности, сквозящие в текстах Палеи, с историческими конфликтами близких нам эпох.

Лингвистический ракурс понимания энергетики высказанного или написанного слова представлен в статье профессора *Тамары Матвеевой* (Уральский федеральный университет). Она предлагает собственную методику измерения энергии текста, убедительно доказывая возможность ее практического применения. Теоретическая глубина соединяется с задачей объяснить трудноуловимое, через анализ грамматических конструкций выявить степень и направленность воздействия текста на читателя. Обширные материалы, их квалифицированный разбор и соотнесение с общей теорией коммуникации придают статье статус методологического исследования.

Статья профессора *Валерия Мароши* (Новосибирский педагогический университет), помимо академической полноты, интригует интерпретацией травелогов через призму идеи обретения рая. Написанная, как свойственно автору, с широким привлечением литературного контекста и исторических параллелей, статья вызывает интерес ко времени, когда авантюристам и прожектерам история давала шанс на достижение самых несбыточных целей.

В рубрике *Heritage: nomina et scholae* доцент *Тамара Кондратьева* (Тюменский университет) рассказывает о своем учителе, выдающемся специалисте по истории Франции – впрочем, не только Франции! – Борисе Федоровиче Поршневе. Его жизнь изобиловала резкими поворотами, но неистребимый талант научного самородка не позволил случайностям нарушить логику судьбы. Автор создает живой противоречивый портрет героя своего времени. Витальная сила Бориса Поршнева распространилась и на его исследовательские результаты, их «возрожденческий» размах и источниковедческий базис позволили российскому франковедению открыть новые грани в истории Франции не только для русскоязычной науки.

Из портфеля редакции в рубрику *Controversiae et recensiones* в этом номере отобраны рецензии, касающиеся поворотных моментов российской истории. Солидная рецензия на трехтомную монографию Б. Н. Миронова подготовлена профессором *Юрием Смирновым* (Самарский национальный исследовательский университет). Глубокий анализ предложенной концепции вписывается автором в существующую в мировой и российской науке концептуальную сферу, включая теории, детально разработанные в уральской исторической

школе. Кандидат исторических наук *Юлия Бут* (Уральский федеральный университет) разбирает интересную книгу А. Миллера «Нация, или Могущество мифа», вышедшую в серии «Азбука понятий» Европейского университета (СПб., 2016). Молодой исследователь квалифицированно отмечает достоинства и спорные моменты книги, обоснованно вступая в дискуссию по ряду положений автора. Завершает рубрику рецензия *Владимира Земцова* (Уральский педагогический университет) на сборник статей, подготовленный на основе докладов международной конференции *Russia and the Napoleonic Wars*. В ней дается подробный разбор отобранных материалов, описывается состояние изучения заявленной проблемы в современной науке и намечаются вытекающие из этого перспективы.

Константин Бугров
(Институт истории и археологии УРО РАН),
Лариса Соболева
(Уральский федеральный университет)